

Шоу-Чему

Часы

По-разному считают возраст городов: когда с первого колышка, когда с первого дома, а чаще с Указа Президиума Верховного Совета. Но есть неофициальный счет — о нем написано в одной из книжек о поселке Талнах, расположенному недалеко от Норильска. Поселок строился, в нем уже жили люди, и настало время родиться там первому коренному талнахцу. С Украины телеграммой вызвали бабушку. Она прилетела, пожала плечами, подумала: «Да неужели на Полтавщине хуже?» Но сказала другое: «Что ж, строиться починаем?» Этот день — пусть даже в шутку — и считают днем рождения поселка Талнах.

Дом невозможен без стен, но и без традиций нет дома. Дом без традиций — просто гостиница, где сидят на чемоданах и забывают зубные щетки. Традиции нужны, и хранят их, как правило, пожилые люди, пенсионеры.

Норильск не гостиница. Норильск — дом. Дом для двухсот тысяч человек. Из них семь тысяч имеют право на пенсию по старости. Четыре тысячи норильских пенсионеров работают. О трех из них мой рассказ.

Г. АЛЕКСАНДРОВ,

артист

Норильского
заполярного
театра драмы
им. В. Маяковского:

**Там, где нужен,
там интересно
жить!**

— Плохо все-таки, когда главный режиссер некурящий, нигде пепельниц не ставят! — посетовал Георгий Иванович и отправился разыскивать пепельницу. Мы сидели в кабинете заведующего, оказавшемся свободным, за стеклом в театральном буфете (я так и не понял по глухим репликам) то ли репетировали «Протокол одного заседания», то ли проводили собрание. Георгий Иванович вернулся с пепельницей. Закурили.

— Вы, журналисты, любите спрашивать о заветной мечте. Есть у меня такая. Мечтаю, чтобы спрашивали перед нашим театром: «Нет ли лишнего билетика?» Спрашивали бы: пусть наш театр на окраине города, пусть мороз за сорок. В последних спектаклях я не занят, должен бы огорчаться, а я радуюсь. Очень интересные — «Темп-29», «Случай в метро», «Девятый праведник». Сами понимаете, в жизни любого театра прямой линии нет, есть подъемы, есть спады. Вот сейчас у нас подъем, по-моему, и очень крутой.

— О себе рассказываешь трудно. Почти двадцать лет работал в театре Краснознаменного Балтийского флота. Война. Помню отлично, как шли из Таллина в Ленинград — сто пятьдесят вымпелов. Мы шли на ледоколе перед флагманом, перед «Кировым». Подорваться, сами понимаете, могли совершенно свободно. Но была в нас какая-то юношеская уверенность — нет, не можем, ничего не случится с нами, все будет в порядке. Вот и Северолод Вишневский такой был — если уж поверит во что, то до конца. Помню, уже в Ленинграде зашел он к нам, артистам, на минутку, а просидел часа четыре. И ведь какой провидец был — в самом начале войны сказал, что мы полгода будем разворачиваться, а через полгода ударим. Ведь так оно и было.

Ну, в Ленинграде, в основном, по оконам ползали. Там и играли. Все время на передовой. Пожалуй, только фашистам спектакли не показывали. И что удивительно: было нас восемь человек и поставили мы «Свадебное путешествие» — комедию, водевиль почти что. И в сорок первом, в холод, под пурпурными, голодные, смотрели солдаты спектакль с удовольствием. Нужен смех, в любое время нужен.

Зазвонил телефон. Георгий Иванович снял трубку.

— Да, театр. Насчет нашего университета театрального искусства? Да пока не берусь сказать — будет сегодня занятие или нет — сами видите, мороз сорок семь да еще пурга — может, и отменят, позвоните попозже.

Сел к столу. Снова закурил.

— Да, Норильск.. Я здесь с шестьдесят первого года, думаете из-за денег? В какой-то степени и так — мне не нужно здесь скакать с телестудии в театр, из театра — на радио, как бы пришлось это делать на «материнке». Здесь мне зарплаты хватает. Так что если кружок поручат в школе — я это вполне могу делать бесплатно.

— Ясно. А вот к климату мы просто привыкли?

— Привык? Даже не берусь судить. Климат, по-моему, нормальный. Вон вы учили науки, а я в ботиноках — и хоть бы что.

И точно: Георгий Иванович был обут в легкие, я бы даже сказал, пижонские ботинки. Он развел руками, а они расхочали.

— Да нет, все уже не такой морозоустойчивый. Просто живу в двух минутах ходьбы от театра. А за две

минуты и босиком можно добежать — все равно не успеешь замерзнуть. А если всерьез — думаю, что целебный климат в Норильске. У меня дочь в Москве, все писала и жаловалась, что внучка моя болеет, слабенькая болюно. Не выдержал, дал телеграмму: ну-ка, привози ко мне! Не поверите, год здесь прожила, ни разу не чихнула. Обычно восторгаются: юг, Сочи! Да у нас зимой ребята в снегу валяются, как в Сочи в песке на пляже.

Кто-то заглянул в комнату, суетливо поздоровался и исчез, словно испарился.

— Вас, наверное, удивляет, что я совсем не говорю о своих актерских делах. Да ведь тут все просто: играл бы плохо — не держали бы. Думаете, мало желающих здесь работать? Каждый день по нескольку писем приходит. Я уже говорил: главное, что тянет людей в Норильск — все-таки не деньги. Понимаете, есть какое-то норильское братство — так, что ли? Были мы на гастролях на Дальнем Востоке. Так, увидев наши афиши, люди, когда-то жившие в Норильске, специально приходили к нам, хотя были уже совсем не завязанными театралами, только что «поздороваться», как раньше говорили. Вот поэтому-то я здесь. Там, где ты нужен, там интересно жить.

И. ФАЙЗУЛЛИН,

врач

плавательного
бассейна,
заслуженный
мастер спорта:

Как себя

чувствуешь,

товарищ?

Это было удивительно, это было уму непостижимо: Файзуллина положили в больницу! И тем не менее это было так — что-то у Файзуллина с сердцем, снимают кардиограмму, делают уколы. В первый день и сам Искандер Газизович немного растерялся: уж больно непривычная обстановка! Но уже назавтра, когда пришла из Москвы верстка его очередной книжки «Пловцы Заполярья», он обрел свою обычную форму: правил гранки, звонил по телефону, сердился. И снова, и снова перечитывал один абзац в книжке, за судьбу которого, честно говоря, опасался: а вдруг вычеркнут, уж больно категорично! А в книжке написано вот что: «Таким образом, в нашем благоустроенным заполярном городе, при нашем достаточно высоком социально-экономическом уровне жизни создаются условия, которые могут быть успешно противопоставлены неблагоприятному климату Крайнего Севера, для воспитания здорового, физически крепкого молодого поколения».

— Получается, что такой адский холод, ветер двадцать метров в секунду, ночь на несколько месяцев в году — нормально?

— Нормально! — считает Файзуллин, который стал директором норильского бассейна, когда бассейн еще не был достроен. Удивительный он человек. Его биография — вереница сенсаций. Ну разве не удивительно разговаривать с человеком, о котором «Вечерняя Москва» в 1936 году статью написала так: «В Москве получены подробности совершеннего т. Файзуллиным 31 августа проплыла на 50 километров на Каспийском море...»

Как только закончилась война, майор Файзуллин в Будапеште, где стояла его часть, подал начальству рапорт с просьбой разрешить ему в честь Победы проплыть по Дунаю на сто километров.

Разрешили — Файзуллин проплыл. И был принят потом К. Е. Ворошиловым.

Награда была сказочная — Жемчужина в Мозыре, где

жили семьи.

Ну, а как вы попали в Норильск, Искандер Газизович?

— Да, я попал в Норильск в 1959 году.

— А как же иначе? — удивляется Мария Григорьевна.

— Ведь наш магазин — магазин подарков. Сюда люди с праздничным настроением приходят. Мы должны не разрушать его, а поддерживать.

Я знаю, что меня иногда считают излишне требовательной, даже придирчивой в работе. Когда из отдела торговли мне продавцов направляют, обязательно предупреждают: «Пойдешь к Залесской, оденешься как следует, привяжи модно, а то не возьмет». И правильно, не возьму. Продавец должен быть всегда подтянутым, красивым. Вы обратили внимание — на всех продавцах у нас одинаковые платья? Это фирма, это элегантно, это дисциплинирует.

А я люблю дисциплину. Дисциплину во всем. Ведь если разобраться, многие наши недостатки из-за чего? Да из-за недисциплинированности, из-за того, что люди иногда свое дело делают не так, как надо. Вот мы получаем, например, варежки. Сплошь оранжевого цвета. Да что ж это такое? Неужели все норильчанки будут оранжевые варежки носить? Неужели мы наших женщин одеть как следует не можем? Обидно, честное слово!

Что сяят

в портфеле

— Очень просто. Пригласили меня сюда в 1959 году директором бассейна, я ведь два вуза окончил — медицинский и физкультуры. Приехал и понял, что здесь смогу поработать в таком масштабе, в каком никогда бы не удалось поработать в другом месте. Вот из этого бассейна, куда привозят из детских садов, из школ ребят (автобус со специальной надписью «Дельфин» — утепленный), пошли мастера спорта, команды водного поло. Но суть даже не в этом. Я уверен, что занятия плаванием в Заполярье нужны не для рекордов, они — источник здоровья. Есть такой взгляд на нас — тренеров и врачей бассейна: вы, мол, только людей купаете, что с вас толку? Ерунда, мы не только людей купаем, мы даем стране трудовые ресурсы, это наш вклад в пятилетку. Вот цифры: мы проводили анкетирование среди занимающихся в бассейне: у 76 процентов устойчивая работоспособность. Не так уж мало, а?

Искандер Газизович одет несколько необычно для больного: тренировочные брюки, спортивные туфли. У него очень лукавые глаза и седой вихор. Разговариваешь с ним, сидящим в позе буддийского божка (ладони скрещены над животом), и так и ждешь какого-нибудь розыгрыша.

— Ну, а как же без этого — скучно!

Как-то домой иду с портфелем, слышу: тикает.

И портфель уж больно тяжелый. Но разобрался, когда уже домой пришел: шахматные часы мои коллеги в портфель засунули, черти! Молодцы, я бы не додумался. Кстати, у вас реакция нормальная?

— Да вроде бы. Никто из вас, врачей, не пугал по крайней мере.

— Тогда давайте сыграем в детскую игру. Вы кладете руки мне на ладони и руки убираете, когда я только собираюсь вас хлопнуть. Ну?

Я не успел убрать руки ни разу. И они покраснели — ладони у Файзуллина тяжелые.

— Вот так, а еще в столове живет! Так нельзя: курите, по ночам книжки читаете. А дети? Да вы просто издаеваетесь над ними. Вот хотите, из книжки все рекомендации родителям выдерете и вам отдаст? А ребенка — в бассейн, обязательно. Иначе скривление позвоночника я вам гарантирую. В бассейн его, только в бассейн. Я же врач, знаю.

Я попрощался с Файзуллиным, оставил свой московский телефон: когда приедет, встретимся обязательно.

Остановил он меня у самого выхода.

— Так ведь я забыл, вы из «Советской культуры»! Все, что я рассказывал, вам неинтересно. Вам о кино и театре надо! И в кино я тоже работал. Когда Эйзенштейн «Александра Невского» снимал битву на Чудском озере, я там главным спасителем был, чтобы артисты не утонули. И никто не утонул.

У меня вырезки есть из газет, может, надо вам?

— Да вроде бы. Никто из вас, врачей, не пугал по крайней мере.

— А почему, если не секрет?

— Да какой уж там секрет! Вот, с одной стороны, мне и неловко, что вы обо мне статью писать собираетесь, а с другой стороны — радостно.

И не за себя, а за нас — за торговых работников. Вы, журналисты, все больше фельетоны о нас сочиняете.

Конечно, есть в торговле и жулики, и лентяи. Но не все ведь такие.

Далеко не все. А много ли вы статей о хороших торговых работниках написали?

Немного? Вот то-то и оно! Песен о ком только нет: и о геологах, и о железнодорожниках, и о вас, журналистах.

А есть ли песня о продавце? Нету! Вот потому и не хочется, чтобы вы обо мне что-нибудь смешное или плохое написали.

— Зачем же плохое? То, что вы говорите — правильно. Но мне вот что интересно: вы в Норильске больше четверти века — что вы думаете об этом городе?

— Если о климате говорить, то ничего страшного.

Просто надо следить за собой. Утром обязательно зарядка. На лыжах люблю ходить, на коньках во Дворце спорта кататься. А уж если очень всплеск, и высоких

слов не бояться, то вот что я скажу: Норильск — город очень честный. Здесь нет этого — подарков, как их называют, а по сути, взяток.

Ну как это можно: человек и так деньги за вещь платит — и еще с него брать?

Поэтому люблю Норильск и людей его.

М. ЗАЛЕССКАЯ,

директор

магазина «Сияние»:

Человек

должен

стремиться

быть первым

Бывал я в разных кабинетах. И в кабинетах министров тоже. Столы огромные. Но в общем-то скромно: вешалка, сейф.

Кабинет Марии Григорьевны невелик, но уж отделка — головой зачехаешь. Дубовые панели, поверху чеканка. Цветок в громадной кадке, и на ней тоже чеканка.

Был таки они, норильские пенсионеры. Привычная ассоциация — раз пенсионер, значит, сидит на скамейке в сквере, любуется природой. Заполярье сломало эту традицию.

Труд пенсионера там нужен и очень важен. Пожилые люди придают всему основательность, надежность, степенность. Если они что-то делают, делают всерьез.

Пенсионная книжка не удостоверение о старости, она удостоверение мудрости. И в том, что каждую первую сессию Верховного Совета СССР нового созыва в каждой палате открывает один из старейших по возрасту депутатов, есть большой смысл. Самые важные государственные дела решают самые мудрые: это жизненная необходимость.

В армии солдат второго года службы называют «стариками». «Старикам» по девяноста-девадцать лет, но право же, такое прозвище они заслужили. Раз «старик» — значит, всегда поможет, подсветит. Раз «старик» — значит, умеет многое, почти все. Раз «старик» — на него во всем можно положиться.

О людях, с которыми вы познакомились сейчас, никак не скажешь: старикам. Даже по внешнему виду они не подходят под это определение. Поэтому старикам в кавычках уважение, и любовь, и уверенность в их силах и возможностях. Да здравствуют «старики»!

— Да как вы попали в Норильск, Искандер Газизович?